

21. *Хисматулина, А. М.* Глаголы, репрезентирующие прямую речь в современном английском языке: к вопросу о лексико-синтаксических связях : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. М. Хисматулина ; Моск. гос. пед ин-т иностр. яз. – М., 1975. – 30 с.

22. *Караткевіч, У.* Чорны замак Альшанскі : раман, апавесць / У. Караткевіч. – Мінск : Мастац. літ., 1983. – 357 с.

The article presents the results of a detailed analysis of manner-of-speech verbs used in authors' remarks in Belarussian and British modern fiction. Within this group of verbs, five subgroups are distinguished. Statistics and examples are provided within a comparative analysis. It is concluded that manner-of-speech verbs are used in both the discourses, but prevail in Belarussian authors' remarks, which reveals the position of co-authorship and a tendency of Belarussian authors to present not only the speech act itself, but the attitude of the initial speaker as well.

Поступила в редакцию 25.05.2020

А. А. Лавицкий

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНИЕ – РЕШЕНИЯ ВЧЕРАШНИЕ

В статье представлен критический взгляд на развитие судебной лингвистической экспертологии в Беларуси. Описаны недостатки используемых методологических подходов, а также предложены пути нивелирования проблем верификации результатов экспертной оценки текста в процессуально-судебной деятельности, очерчен круг юрислингвистических исследовательских вопросов, актуальных для современной право-применительной практики.

Привлечение к процессуально-следственной и судебной деятельности специалиста-лингвиста не воспринимается сегодня противоречиво. Столкнувшись с проблемой невозможности объективного рассмотрения и правовой оценки ряда правонарушений, предметом совершения которых является текст, юриспруденция перестала возражать против активной экспансии науки о языке в сферы своей ответственности. Практика доказала состоятельность лингвистики как экспертного инструментария в правовом пространстве Беларуси. Однако в ряде случаев языкознание дискредитировало само себя, не справившись с необходимостью всегда давать неопровержимые результаты исследования продуктов речевой деятельности. Заключение экспертов и сегодня нередко содержат неоднозначные выводы, не дают полных и компетентных ответов на вопросы, определяющие качественные характеристики состава правонарушения. При этом многие проблемы, являющиеся камнем преткновения для активного развития лингвистической экспертизы текста в нашей стране, достаточно успешно разрешены зарубежными коллегами. Кроме того, очевидно, что отечественная юрислингвистическая практика ограничивается в своем проблемном поле, замыкаясь только на вопросах изучения формальных семантических и структурно-граммати-

ческих особенностей речевого материала, исключая оценку экстралингвистической составляющей коммуникации. Такое положение дел обусловило наш научный интерес к вопросам методологических основ проведения судебной лингвистической экспертизы текста в Беларуси.

Судебная лингвистическая экспертология является одной из наиболее активно развивающихся подотраслей юридической лингвистики – относительно молодого направления науки о языке. Парадоксально, но формирование лингвистической экспертизы текста началось почти на десятилетие раньше, нежели общей теории правовой лингвистики. Считается, что первое прикладное экспертное юрислингвистическое исследование, обозначенное как *forensic linguistics research*, в рамках процессуально-судебного разбирательства провел английский писатель и языковед шведского происхождения Ян Свартвик. В результате проделанной им лингвистической экспертизы текстов дознания повешенного за убийство жены Тимоти Эванса удалось доказать невиновность осужденного «на том основании, что его признание в убийстве отличалось по стилю от всех его остальных показаний» [1, с. 6]. Впервые же понятие юридической (правовой) лингвистики в широкий научный обиход было введено лишь в 1976 г. немецким исследователем Адальбертом Подлехом в одноименной статье «*Rechtslinguistik*». Юрислингвистику А. Подлех определил как «совокупность всех методов и результатов исследований, которые касаются вопросов связи языка и правовых норм, и отвечают требованиям современной лингвистики» [2, S. 108].

Несмотря на то, что в фокусе внимания современного юрислингвистического направления находится достаточно широкое проблемное поле, включающее вопросы изучения специального юридического языка (язык как инструментарий законотворчества и толкования правовых актов – юридиколингвистическая герменевтика), правовой коммуникации (речевое взаимодействие субъектов процессуально-следственной и судебной деятельности), наиболее востребованной в прикладном аспекте является судебная лингвистическая экспертология.

В отечественном дискурсе значимость исследований по экспертной оценке текста обусловлена динамическими изменениями общественных отношений, когда ценность коллективного взаимодействия отошла на второй план, уступив первое место личностным свободам и правам. Этот исторический период наступил в 90-е гг. прошлого столетия и продолжается до сих пор, сопровождаясь процессами правовой самозащиты личности от любых посягательств на снижение и умаление уровня собственной самооценки. Именно поэтому в настоящее время «исключительную актуальность и значимость приобретает защита не только имущественных, но и неимущественных прав граждан и юридических лиц» [3, с. 110]. Доказательством тому служит возрастающее количество обращений к специальной экспертизе текста в процессуально-следственной и судебной практике рассмотрения правонарушений, сопряженных с оскорблением личности, клеветой, угрозой, проявлением деструктивного экстремистского поведения и др.

Объективно обусловленная интенсификация прикладных изысканий в области лингвистической экспертизы текста привела к достаточно серьезным проблемам. Дело в том, что российские ученые еще в начале нового тысячелетия заметили очевидную исследовательскую лакуну, когда практические решения – заключения экспертов-юрислингвистов не имели под собой а) обоснованной научно-теоретической базы и б) верифицированной методологии. По этому поводу К. И. Бринев в своей монографии «Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза» пишет: «Но исследования в области лингвистической экспертизы сразу выявили то, что теоретическая лингвистика не готова решать конкретные исследовательские задачи» [4, с. 15]. Вовремя обратив внимание на имеющиеся пробелы, российской юрислингвистике удалось в достаточно короткие сроки нивелировать их. В первом случае для обоснования концептуальных вопросов экспертной оценки речевой деятельности были созданы научные школы в Барнауле, Кемерово, Москве и др., продолжающие продуктивную исследовательскую деятельность и в настоящее время. Для разрешения второй проблемы потребовалось «подключение понятийно-методологического аппарата двух дополнительных научных областей – экономики и технических наук» [5, с. 5], что удовлетворило насущные потребности судебной экспертной работы с разными видами текстового материала.

К сожалению, приходится констатировать, что отечественная наука до сих пор не проявила должного внимания к проблемам лингвоправовой оценки текста. Вследствие этого при выполнении прикладных исследований накопленный в российской юрислингвистике опыт калькировался экспертным сообществом Беларуси без должного учета особенностей правового поля страны, хотя о вредности «слепой» и полной экспликации методологической базы лингвистической экспертологии писали А. В. Андреева и А. А. Кирдун [6, с. 18], выполнявшие одни из первых судебных экспертных лингвистических исследований в отечественной судебной криминалистике.

Практика показывает, что исследовательские подходы белорусских экспертов нередко ограничиваются методологией лишь отдельных лингвистических направлений, в частности, структурно-грамматическим, лексикографическим и ортологическим. Однако для современной судебной лингво-экспертной деятельности использование указанных методологических подходов зачастую является недостаточным. Так, изучение структурно-грамматической специфики текста не позволяет в полной мере отразить глубинной семантики – ключевого объекта исследовательской оценки, ибо, как справедливо замечал Л. А. Новиков, «грамматическое и лексическое значения представляют собой качественно различные, разноуровневые абстракции свойств языковых объектов» [7, с. 348].

Обращение к лексикографическим источникам при экспертном изучении текста чаще всего имеет несколько серьезных недостатков. Во-первых, лексическое значение слова отражается в словаре «относительно полно и не всегда современно» [8, с. 259]. Во-вторых, очевидна непоследовательность

стилистических помет в различных словарных источниках. Не внесли ясность в данный вопрос и специализированные издания обценных слов, что объективно обусловлено эмоционально-экспрессивной иерархией бранной лексики. Авторы одного из таких изданий («Словарь русской брани (матизмы, обценизмы, эвфемизмы)» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина пишут: «Пока нет еще “идеального” словаря брани, который удовлетворял бы всем ее интерпретациям. Даже словари, ориентированные на такую специализированную и, казалось бы, однородную лексику, как русский мат, отличаются большой разнородностью состава словника и способов его описания» [9, с. 29]. Кроме того, любой речевой акт в судебной лингвистике рассматривается в конкретном ситуативном контексте: «отдельные слова и выражения (*вне учета временного, пространственного континуумов и канала связи* – курсив наш. – А. Л.) не могут быть предметом вербальных правонарушений», ибо «отдельное слово, взятое из словаря, не соотнесено к действительности – это просто слово, единица языка» [10, с. 9].

Следует отметить, что в последнее время белорусские эксперты-практики стали прибегать и к методам прагмалингвистического анализа, в основу которого заложена теория речевых актов. Это позволило в значительной степени объективизировать результаты судебных лингвистических заключений. Однако в ряде случаев специалистам потребовалась дополнительная верификация результатов специальных экспертных исследований, что обусловлено достаточно высокой степенью вариативности при интерпретации иллокутивной и перлокутивной силы речевого высказывания. В процессе судебного заседания экспертиза, основанная только на прагмалингвистическом анализе речевого акта, – это возможность для ответчика «скрыть прагматический момент <...> доказать, что “они не то имели в виду”, что “их не так поняли”» [11, с. 147].

Результаты ортологического анализа продуктов речевой деятельности чаще всего оспариваются в процессе судебного разбирательства, так как нормы коммуникации редко закреплены законодательно, что позволяет апеллировать к догме «ubi jus incertum, ibi nullum» – если закон не определен, то закона нет (что не запрещено – то разрешено). Разумеется, это не означает, что использование бранных слов (мата), например, позволительно в устном официально-деловом дискурсе, однако если данная лексика функционально не является предметом вербального правонарушения, то ее использование можно расценивать только как показатель уровня культуры коммуниканта.

Указанные недостатки методологических подходов, используемых отечественными специалистами, очевидно, негативно отразились на процессуально-судебной практике. Так, на заседании (03.04.2019 г.) межведомственной рабочей группы по взаимодействию (присутствовали заинтересованные работники Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ), Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства внутренних дел) представители МВД апеллировали к следующим фактам: 1) «В случае постановления перед экспертами вопросов, ответы на которые позволяют

сделать вывод о наличии в действиях проверяемого лица признаков состава преступления, в заключениях указывается, что это не входит в компетенцию экспертов»; 2) «Из 22 материалов по статье 130 УК (*Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни* – курсив наш. – А. Л.), по которым психолого-лингвистические (лингвистические) экспертизы проводились подразделениями ГКСЭ, только по 2 возбуждены уголовные дела, а из 27 материалов, где такие экспертизы проводились вне экспертных учреждений, по 19 возбуждены уголовные дела, по 8 процессуальное решение еще не принято».

Специалисты КСЭ отказываются и от решения менее глубоких проблем, чем установление признаков проявления экстремистской деятельности. В частности, согласно Информационному письму «Об особенностях назначения судебной лингвистической экспертизы», подготовленному в 2020 г. ГКСЭ, «установление наличия/отсутствия факта оскорбления, его признаков, а также приличной/неприличной формы не входит в компетенцию эксперта-лингвиста». Однако очевидно, что современный лингвометодологический инструментарий имеет все возможности для разрешения такого рода задач, в том числе проведения экспертного аналитического исследования для описания ранее «чуждых» лингвистике явлений и категорий, таких как умышленность, приличность, циничность речевого акта и др.

Объективно назревшим шагом для развития белорусской лингвоправовой экспертологии является привлечение нового методологического инструментария, накопленного современной наукой о языке и позволяющего проводить верифицированные процедуры судебного лингвистического исследования текста. Очевидно, что речь не может идти об одном конкретном методе, ибо решение сложных прикладных задач требует междисциплинарного осмысления явлений и интеграции результатов в единое целое [12, с. 13]. Оценка особенностей влияния экстралингвистических факторов на процесс речевого взаимодействия успешно изучается коммуникативной лингвистикой, специфика речевой деятельности субъекта коммуникации – теорией языковой личности и психолингвистикой, ценностная картина мира – лингвоаксиологией, язык как механизм познавательной деятельности – когнитивной лингвистикой и т.д. Объединение усилий указанных и других направлений позволяет разрешить не только актуальные для современной процессуально-судебной деятельности вопросы исследования продуктов речевого взаимодействия, но и значительно продвинуться вперед, ввести в практику новые виды экспертной оценки текста, например, установление признаков умышленности преступления, совершаемого вербальным способом, создание речевого портрета делинквента и его идентификация в информационном потоке и др.

Кроме того, важным видится не отказываться от проведения экспертных исследований, которые только на первый взгляд ориентированы на выявление признаков правонарушения, не входящих в область научных интересов языкознания. Как справедливо отмечает М. А. Осадчий, лингвистика как

наука не желает (возможно, совершенно справедливо) заниматься отдельными категориями, «но судебная лингвистика как практическая отрасль не имеет выбора» [5, с. 80].

Таким образом, современная белорусская судебная лингвистическая экспертология еще не реализовала свой потенциал, стоящие перед ней задачи требуют отказа от консервативных подходов в оценке текста с позиции Соссюровского «языка в самом себе и для себя». Очевидно актуальным в ближайшее время для лингвоправовой экспертологии будут более глубокие проблемы, такие как моделирование речевого портрета делинквентной личности, определение умышленности вербальных деяний, экстралингвистические приемы проявления экстремистского поведения и др., что потребует еще большего расширения научных представлений и междисциплинарного подхода: привлечения ряда философских концепций, методов психологического анализа поведения, исследований в области физиологии и психиатрии и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова, С. Н. Лекции по судебной фонетике / С. Н. Плотникова. – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – 58 с.
2. Podlech, A. Rechtslinguistik / A. Podlech // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. – München : Beck, 1976. – Bd. II. – S. 105–116.
3. Голев, Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Н. Д. Голев // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты : межвуз. сб. ст. / под ред. В. Я. Музюкина, В. В. Сорокина. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2002. – С. 110–123.
4. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.
5. Осадчий, М. А. Русский язык в судебном процессе / М. А. Осадчий. – Изд. 2, стереотип. – М. : URSS, 2019. – 256 с.
6. Андреева, А. В. Методики производства судебной лингвистической экспертизы: аналитический обзор / А. В. Андреева, А. А. Кирдун // Вопр. экспертной практики. – 2017. – С. 15–20.
7. Новиков, Л. А. Избранные труды. / Л. А. Новиков ; отв. ред. В. В. Иванов. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – Т. I.: Проблемы языкового значения. – 672 с.
8. Бутакова, Л. О. Лингвистическая экспертиза текста в пространстве лингвистического анализа речевых произведений, или что должен знать лингвист, чтобы быть хорошим экспертом / Л. О. Бутакова // Юрислингвистика. – 2008. – № 9. – С. 251–269.
9. Мокиенко, В. М. Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2004. – 448 с.
10. Осадчий, М. А. Правовой самоконтроль оратора / М. А. Осадчий. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 316 с.

11. *Голев, Н. Д.* Юрислингвистика и прагматика : о двух стратегиях обвинения в словесной инвективе и защиты от него / Н. Д. Голев // Языковая концепция регионального существования человека и этноса : тез. докл. к региональной науч.-практ. конф. памяти профессора И. А. Воробьевой (70 лет со дня рождения) / под ред. В. А. Чесноковой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 146–148.

12. *Маслова, В. А.* Основы современной лингвистики : курс лекций : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. – 221 с.

The article presents a critical look at the development of forensic linguistic expertology in Belarus. It describes the disadvantages of the methodological approaches used and proposes ways of leveling the problems of results verification of the expert assessment of the text in the procedural and judicial activity. A range of legal-linguistic research issues relevant to modern law enforcement practice is outlined.

Поступила в редакцию 20.04.2020

В. А. Мусіенка

ДРУГАСНЫЯ КАЛАРАТЫЎНЫЯ НАМІНАЦЫІ (на матэрыяле ад'ектываў беларускай і англійскай моў)

У артыкуле даследуюцца другасныя каларатыўныя намінацыі ў беларускай і англійскай мовах. Разглядаюцца семантычныя мадэлі (прамыя і адваротныя), у рэцыпіентнай сферы якіх указваюцца храматычныя ці ахраматычныя колеры, а ў зыходнай сферы – квалітатыўныя характарыстыкі, звязаныя з найменнямі камянёў, мінералаў, жывёл, птушак, раслін. Вызначаюцца агульныя для дзвюх моў і спецыфічныя для кожнай з іх асаблівасці каларатыўных намінацый.

Каларатыўныя намінацыі з'яўляюцца найбольш структураванымі, лёгка выдзяляюцца з агульнага лексічнага складу і ўтвараюць іерархічную сістэму. Колер як сімвал выкарыстоўваўся на ранніх стадыях развіцця грамадства і змяшчаў дадатковыя звесткі аб прадметах, з'явах, падзеях і інш. Стаўленне чалавека да колеру залежыла ад грамадскай фармацыі і ад светапоглядных устаноў сацыяльнаму. Таму сімвалічнае значэнне асобнага колеру і пэўных колеразлучэнняў мае старажытнае паходжанне, агульнае для многіх культур і эпох. Колеравая сімволіка прысутнічае і ў паўсядзённым жыцці на ўзроўні міжасобасных зносін. Сімволіка колераў распаўсюджана ў нацыянальных сцяхах, у геральдыцы, у адзенні [1, с. 59]. Колер з'яўляецца інфармацыйнай і эмацыйна значнай характарыстыкай жыццёвай прасторы чалавека, значным этнасацыякультуралагічным элементам моўнай карціны свету, найбольш сутнасным праяўленнем узаемаадносін чалавека са знешнім асяроддзем, элементам культуры розных часоў і народаў [2, с. 158].

Мэта даследавання – выявіць агульныя (тыпалагічныя) і спецыфічныя рысы ў сэнсавых структурах каларатыўных ад'ектываў беларускай і англійскай моў.